АЛЕКСАНДРЪ I-Й ВЪ ВИЛЬНѢ. (*)

Перев. съ польской рукописи.

(Отрывокъ изъ дневника виленскаго помѣщика).

1812 годъ въ лѣтописяхъ Вильно — одна изъ знаменательнѣйшихъ эпохъ. Въ жизни Виленцевъ это было временемъ самыхъ сильныхъ ощущеній.

Могущественный властелинъ запада, побѣдитель множества народовъ Европы, привелъ свои несмѣтныя полчища къ берегамъ Вислы, грозя Россіи нашествіемъ, если она откажется содѣйствовать его стремленіямъ, поколебать могущество соперницы — Англіи. Но обладатель восточной Европы, одинаково сильный привязанностію своего народа, положеніемъ, и обширностію многихъ провинцій, подчиненныхъ его скипетру,—не могъ удовлетворить требованіямъ грознаго побѣдителя, безъ ущерба для своихъ подданныхъ. Онъ рѣшился положить предѣлъ дальнѣйшимъ уступкамъ и, еще разъ, стать лицемъ къ лицу, съ, все еще, непобѣдимымъ Наполеономъ.

(*) Въ одномъ изъ слѣдующихъ изданій статистическаго комитета мы найдемъ, можетъ быть, возможнымъ, представить читателямъ статью, заключающую нѣкоторыя интересныя подробности о пребываніи въ Вильнѣ—Наполеона I.

Прим. ред.

Одна только Россія, не смотря на множество неудачныхъ битвъ, могла еще помѣриться съ счастливымъ и геніяльнымъ побѣдителемъ.

Придвинутыя къ Нѣману, если не границы самой Франціи, то, по крайней мѣрѣ, границы ея всеобъемлющаго вліянія, — ускорили, безъ сомнѣнія, разрывъ между двумя могущественнѣйшими европейскими державами. Предпринятыя Наполеономъ въ теченіи двухъ лѣтъ, въ исполинскихъ размѣрахъ, приготовленія къ войнѣ, — предсказывали народамъ, жаждавшимъ мира, новую бурю и новыя состязанія. Тѣмъ не менѣе трудно было еще предвидѣть цѣль этихъ приготовленій.

Едва въ началѣ 1812 года явственнѣе обнаружились его завоевательные замыслы.

Недоумѣнія въ дипломатическихъ сношеніяхъ между двумя кабинетами, приняли уже въ 1811 году довольно щекотливый характеръ. И хотя не было еще открытаго разрыва, а уже многочисленныя войска, составленныя изъ разныхъ націй, двинулись въ 1812 году, по мановенію императора Французовъ — отъ береговъ Рейна, Эльбы и Дуная къ берегамъ Вислы. Съ другой стороны уже въ февралѣ, тронулись сильные, хотя не такъ многочисленные, русскіе полки, двигаясь, одни на Литву, другіе отъ турецкой границы на Волынь. Самъ императоръ Александръ I, выѣхавъ изъ Петербурга 9 апрѣля ст. с., отправился къ войску, главныя силы (*) котораго были расположены на протяженіи отъ береговъ балтійскаго моря до Вильно, готовясь дать отпоръ Французамъ и ихъ союзникамъ.

Послѣ утомительнаго путешествія, при тогдашнихъ гололе-

(*) Войско, какъ извѣстно, было раздѣлено на 2 арміи первую западную и вторую западную. Первой командовалъ военный министръ, генер. отъ инфант. Барклай-де-Толли, а второй — князь Багратіонъ. Третья же армія, подъ начальствомъ генер. отъ инфант. гр. Голенищева-Кутузова, сражавшаяся съ турками, называлась дунайскою.

дицѣ и снѣгахъ, императоръ прибылъ въ Вильно по старому тракту, чрезъ Псковъ, Динабургъ и Свенцяны — 13 того же мѣсяца, въ половинѣ третьяго по полудни. Ему сопутствовалъ генералъ-адъютантъ кн. Волконскій.

Торжествененъ былъ въѣздъ монарха. На Антоколѣ, (предмѣстіе города) онъ сѣлъ верхомъ, и окруженный блестящею свитою генераловъ и многочисленнаго штаба, былъ встрѣченъ, городскими обывателями, имѣвшими во главѣ магистратъ. Далѣе стояли многочисленные цехи ремесленниковъ съ распущенными хоругвями, привѣтствуя монарха звуками барабана и литавръ.

Затѣмъ евреи въ своихъ старинныхъ костюмахъ, предшествуемые раввинами, несшими таблицы моисеевыхъ законовъ, поднесли на серебрянномъ блюдѣ хлѣбъ-соль.

На дорогѣ, ведущей къ костелу Господа Іисуса и передъ костеломъ Св. Петра, напоминающемъ своимъ стилемъ знаменитый соборъ въ Римѣ, — собралось все черное духовенство для привѣтствія императора.

Начиная отъ главной антокольской улицы, массы народа всѣхъ сословій тѣснились по обѣимъ сторонамъ дороги, оглашая воздухъ радостными криками: »виватъ, да здравствуетъ императоръ.« Передъ каѳедральнымъ соборомъ ожидалъ Александра I весь капитулъ, въ то время весьма многочисленный. Императоръ, остановившись для приложенія къ кресту, въѣхалъ наконецъ въ городъ чрезъ замковыя ворота. Отсюда уже, по лѣвой сторонѣ замковой, свято-янской и епископской улицъ, выстроилась пѣхота, привѣтствуя императора музыкою и преклоненіемъ знаменъ. Съ правой же стороны толпились жители, жаждавшіе видѣть Александра, сдѣлавшаго уже такъ много для края. Между ними опять отъ самыхъ воротъ Св. Янскаго костела, вдоль стѣнъ университета до самого угла епископской улицы, расположились студенты и ученики гим-

назій съ своими преподавателями. На лицѣ Александра, при видѣ такого многочисленнаго собранія, привѣтствующаго его такъ чистосердечно, — выразилось, весьма явственно, удовольствіе.

Прибывъ въ старый епископскій дворецъ, служившій въ то же время помѣщеніемъ генералъ-губернатору, Александръ былъ встрѣченъ дворянствомъ въ главѣ губернскаго предводителя Казиміра Сулистровскаго и уѣзднаго — кн. Януша Гедройца. Здѣсь же находились гражданскій губернаторъ *Лавинскій* съ чиновниками, ректоръ университета *Янъ Снядецкій* съ членами университетскаго Совѣта. Принявъ всѣхъ, съ свойственною ему любезностію, императоръ, желая отдохнуть послѣ утомительнаго путешествія, отправился во внутренніе покои. Вскорѣ къ царской свитѣ, составленной почти исключительно изъ военныхъ, примкнули прибывшіе въ Вильно государственный канцлеръ — гр. Румянцевъ, предсѣдатель департамента законовъ въ государственномъ совѣтѣ—Кочубей, гофмаршалъ— гр. Толстой и многіе другіе. Сверхъ того пріѣхали еще въ городъ: генералъ Аракчеевъ, министръ полиціи Балашевъ, адмиралъ Чичаговъ, и государственный секретарь вице-адмиралъ Шишковъ. Двадцать втораго апрѣля прибыли въ Вильно Ольденбургскіе принцы Юрій и Августъ, а на слѣдующій день — великій князь Константинъ Павловичъ. Вскорѣ прибылъ также генералъ отъ инфантеріи Римскій-Корсаковъ, назначенный 17 апрѣля военнымъ губернаторомъ Литвы, на мѣсто генерала отъ кавалеріи барона Бенигсена, оставленнаго при особѣ императора.

Въ первые дни пребыванія своего въ Вильнѣ, Александръ давалъ постоянныя аудіенціи разнымъ корпораціямъ провинціи, то есть, кромѣ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, принималъ дворянство Виленской губерніи, обнимавшей еще въ то время всю Жмудь. Представителю ея Сулистровскому онъ пожаловалъ 20 апрѣля орденъ Св. Анны первой степени. За-

тѣмъ онъ принималъ духовенство и университетъ, котораго ректоръ, знаменитый ученый, Янъ Снядецкій былъ весьма часто приглашаемъ къ царскому столу. Ксендзу *Голанскому*, профессору краснорѣчія въ томъ же университетѣ пожаловалъ, Александръ, за духовныя и литературныя сочиненія, орденъ Св. Анны второй степени.

Александръ I еще въ началѣ своего царствованія обратилъ вниманіе на развитіе общественнаго образованія въ Литвѣ, Волыни и Подоліи, обогатилъ щедрыми дарами Виленскій университетъ — такъ что жители этихъ провинцій были проникнуты чувствомъ живѣйшей благодарности къ своему монарху. Симпатія эта возрасла тѣмъ болѣе, что Александръ I своею милостивою обходительностію, привлекалъ къ себѣ сердца всѣхъ и каждаго. Императоръ охотно навѣщалъ иногда извѣстныхъ помѣщиковъ, и любилъ въ обществѣ, хорошо образованныхъ, женщинъ — отдохнуть послѣ кабинетныхъ и лагерныхъ трудовъ. Такъ, по примѣру прежнихъ годовъ, Александръ и въ этомъ году, отправлялся на Вилкомиръ, провелъ однѣ сутки въ Товянахъ, помѣстіи извѣстнаго литовскаго вельможи *Морикони* и его жены. Госпожа Морикони приглашала обыкновенно въ этотъ день избраннѣйшее общество дворянъ. Въ кругу нихъ императоръ охотно принималъ участіе въ празднествахъ, устраиваемыхъ гостепріимною хозяйкою въ великолѣпномъ саду.

Александръ I, даря милостивымъ вниманіемъ землевладѣльцевъ, въ то же время заявлялъ этимъ торжественно — какое уваженіе подобаетъ этому сословію, если оно свято исполняетъ свои обязанности.

По окончаніи большаго смотра на Погулянкѣ 21 апрѣля, Александръ принялъ приглашеніе дворянства на балъ, данный 25 того же мѣсяца въ д. Миллера на нѣмецкой улицѣ. Вся улица и домъ были великолѣпно иллюминованы. Кромѣ вензелевой буквы, красовавшейся надъ воротами дома, въ баль-

ной залѣ былъ приготовленъ транспарантъ, изображающій Александра въ видѣ сидящей особы, предъ которой геній преклоняется съ благоговѣніемъ. Все это сопровождалось соотвѣтственными надписями на польскомъ языкѣ. Избраннѣйшее общество, увеличенное присутствіемъ высшихъ военныхъ властей, собралось въ 8 часовъ вечера. Императоръ, встрѣченный на лѣстницѣ губернскимъ и уѣздными предводителями дворянства, а на верху дамами,—вошелъ въ 9 часовъ въ залу, гдѣ его привѣтствовали составленною, по этому поводу, кантатою. Въ ней, какъ обыкновенно, сравнивали Александра по добротѣ съ Титомъ. Кантату пропѣлъ хоръ любителей. Самъ императоръ открылъ балъ, протанцовавъ польскій съ супругою генерала Бенигсена урожд. Андржейковичъ, и съ многими другими, ему представленными, дамами. Танцы едва кончились во второмъ часу по полуночи, и когда всѣ перешли въ сосѣднія залы, гдѣ былъ приготовленъ ужинъ, Александръ I, — окинувъ взоромъ разставленные столы, оставилъ общество.

На слѣдующій день 26 апрѣля Александръ I пожаловалъ званіемъ камеръ-юнкеровъ четырехъ молодыхъ людей, извѣстныхъ фамилій, а именно: *Іосифа Сулистровскаго*, *Николая Абрамовича*, *Константина Тизенгауза* и *Николая Ляхницкаго*. Спустя двѣ недѣли того же званія былъ удостоенъ завилейскій предводитель *Карлъ Пржездецкій*. Александръ на другой же день послѣ бала выѣхалъ на короткое время изъ Вильно въ сопровожденіи военнаго министра Барклая-де-Толли, для осмотра корпуса Витгенштейна, расположеннаго на Жмуди. На первой же станціи отъ Вильно къ Вилкомиру, именно въ *Мейшаголѣ*, Александръ принялъ завтракъ у владѣтеля этого имѣнія статскаго совѣт. и бывшаго предводителя *Онуфрія Гоувалда*. По проѣздѣ чрезъ Вилкомиръ, встрѣченный начальникомъ 2 корпуса генер. *Багговутомъ*, онъ продолжалъ свою поѣздку до Шавлянъ, Тельша и Плунгянъ.

Помѣщиковъ на Жмуди онъ осчастливилъ милостивымъ вниманіемъ, и съ особеннымъ почетомъ принялъ жмудскаго епископа кн. *Гедройца*, а шавельскаго подкоморника *Евстафія Храповицкаго*, возвелъ въ званіе камеръ-юнкера. Объѣздъ этотъ продолжался не долго: 30 апрѣля Александръ уже возвращался въ Вильно по той же дорогѣ, встрѣченный въ Мейшаголѣ генералъ-адъютантомъ Строгановымъ. На этотъ разъ Гоувальдъ самъ отважился просить императора осчастливить домъ его своимъ присутствіемъ. Лишенный средствъ сообщить своему дому пышной, дорогой обстановки, Гоувальдъ украсилъ его, истинно, по сельски: на поворотѣ большой дороги были воздвигнуты ворота, увитыя разнаго рода зеленью и травами; крыльцо и лѣстница были устланы цвѣтами, а на наружномъ фасадѣ зданія, красовалась вензелевая буква императора, весьма изящно составленная изъ цвѣтовъ.

Гоувальдъ, осчастливленный милостію, оказанною ему Александромъ I, велѣлъ вырѣзать золотыми буквами на мраморной доскѣ слова, увѣковѣчивающія память этого царскаго визита. Доска эта сохранилась и до настоящаго времени въ стѣнѣ той комнаты, гдѣ завтракалъ Александръ.

Императоръ имѣлъ обыкновеніе, выходить изъ экипажа, какъ только дорога дѣлалась песчаною, и оставляя за особою свиту,— вступать въ разговоры съ прохожими. Такъ и теперь на своемъ обратномъ пути изъ Вилкомира въ Вильно, выѣзжая изъ Мейшаголы, Александръ пошелъ пѣшкомъ, а замѣтя близь большой дороги, помѣщичій домъ, называемый *Повидаки*, зашелъ туда инкогнито. Хозяйка дома госпожа *Урбановичъ*, молоденькая и хорошенькая женщина, принявъ вошедшаго за генерала, предложила ему чашку кофе. Замѣтя любезность хозяйки, онъ спросилъ ее, будетъ ли она на балѣ, который даютъ императору въ Закретѣ. Госпожа Урбановичъ объявила, что, не зная Бенигсеновъ, не имѣетъ и малѣйшей надежды

быть на немъ, и къ тому же она—небольшая охотница шумныхъ удовольствій.

Мнимый генералъ убѣждалъ госпожу Урбановичъ на этотъ разъ не уклоняться отъ присутствія на балѣ, прибавляя что, какъ слышалъ, балъ будетъ блистательный, а прощаясь съ ней, обѣщалъ выхлопотать для ней пригласительный билетъ. Спустя недѣлю, когда госпожа Урбановичъ уже совершенно забыла о обѣщаніи,—она получаетъ отъ царскаго двора приглашеніе на балъ. Каково же было ея удивленіе, когда узнала, что генералъ, котораго она принимала у себя дома, былъ не кто другой, какъ Александръ I.

Возвратившись въ Вильно, уступая просьбѣ Бенигсена, монархъ былъ воспріемникомъ его сына и присутствовалъ на крестинахъ въ Закретѣ 1-го мая, гдѣ того же дня былъ на танцовальномъ вечерѣ. Каждый день пребыванія императора въ Вильнѣ, былъ ознаменованъ какою нибудь новою милостію, какимъ нибудь новымъ доказательствомъ его популярности и доброты. 3-го мая императоръ пожаловалъ орденъ Св. Анны второй степени, украшенный брилліантами — вилкомирскому предводителю дворянства старику *Косцялковскому*, принимавшему его въ уѣздѣ. Нѣсколько позже то же отличіе досталось виленскому уѣздному предводителю кн. *Янушу Гедройцю*. Предводитель же завилейскій *Пржездецкій*, получилъ тотъ же орденъ безъ брилліянтовъ. Щедрость свою въ дарованіи разныхъ наградъ помѣщикамъ Литвы,— императоръ распространилъ и надъ прекраснымъ поломъ. Такъ 12-го мая онъ пожаловалъ во фрейлины двора императрицы — графинь: *Софію Тизенгаузъ*, *Михалину Віельгорскую*, *Маріянну Грабовскую*, княжну *Кунигунду Гедройць* и *Дороту Морикони* (впослѣдствіи Лопацинскую). Виленское благотворительное общество, основанное нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ помѣщиками, во главѣ которыхъ былъ епископъ Коссаковскій,

утвержденное и надѣленное Александромъ I, (*) — встрѣтило и теперь съ его стороны щедрую поддержку. Въ началѣ мая дамы изъ избраннѣйшаго общества, по принятому обыкновенію, открыли свое пилигримство изъ дома въ домъ, собирая милостыню для бѣдныхъ. Въ шести кварталахъ, на которые, по этому поводу, былъ раздѣленъ городъ, разсѣялись, въ качествѣ, такъ называемыхъ, *квестарокъ*, слѣдующія дамы: кн. *Габріеля Огинская*, супруга тогдашняго предсѣдателя главнаго суда 2 департамента, госпожи: вице-губернаторша *Багговутъ*, совѣтница *Бобятыньская*, *Росіеньска—Залъ-ская* супруга подкоморника, княгиня *Кунигунда Гедройцъ* и дѣвица *Жозефина Волловичъ*. Всѣ онѣ, по очереди, предстали передъ императоромъ, прося и его принести свою лепту. Александръ принялъ весьма милостиво этихъ дамъ, увеличивъ сборъ каждой, *ста червонцами*.

Въ теченіи всего мая, императоръ былъ весьма дѣятеленъ, и хотя, по видимому, охотно раздѣлялъ удовольствія своихъ подданныхъ, тѣмъ не менѣе, перспектива будущихъ военныхъ операцій, не переставала занимать его. Вотъ почему военныя дѣла, поглощали почти все его время. Возвратившись со Жмуди онъ осмотрѣлъ, по очереди, всѣ отдѣльныя части своихъ армій. Осьмаго мая онъ отлучился на день изъ Вильно, чтобы взглянуть на полки подъ начальствомъ Коновницына, стоявшіе въ Трокахъ. 16 того же мѣсяца отправился въ Гродно, въ окрестностяхъ котораго осмотрѣлъ расположенный тамъ корпусъ. Въ Гроднѣ Александръ останавливался въ домѣ губернскаго предводителя дворянства — кн. *Друцкаго-Любецкаго*.

Возвращаясь въ Вильно черезъ Лиду, Александръ, повернулъ въ сторону къ мѣстечку Эйшишкамъ, гдѣ осмотрѣлъ кор-

(*) Утверждая уставъ Общества въ 1807 году, Александръ I пожертвовалъ 5850 рублей.

Прим. ред.

пусъ генерала гр. Шувалова, и доѣхалъ до *Щучина*, гдѣ стояла артиллерія.

Среди своихъ занятій императоръ Александръ I, любилъ чрезвычайно кататься верхомъ по окрестностямъ Вильно, которыя восхищали его своимъ разнообразіемъ и живописностію. Въ такихъ прогулкахъ сопутствовалъ ему обыкновенно генералъ-адъютантъ графъ *Ожаровскій*, который, являлся переводчикомъ при всякомъ соприкосновеніи съ жителями. Одинъ только придворный конюхъ или козакъ слѣдовали издали — для держанія лошадей, въ случаѣ надобности. Изъ всѣхъ окрестностей—Верки, были любимѣйшимъ мѣстомъ прогулки: туда охотнѣе всего направлялся императоръ. Однажды, возвращаясь оттуда берегомъ Виліи, Александръ остановился въ Тринополѣ, передъ монастыремъ ксендзовъ *Тринитаровъ*, расположеннымъ въ мѣстѣ, по истинѣ, романтическомъ. Найдя садъ отпертымъ, оба вошли туда, и когда во время прогулки завязался разговоръ о прекрасномъ мѣстоположеніи, — Александръ объявилъ своему адъютанту, что желалъ бы видѣть внутренность костела. Замѣтивъ одного изъ монаховъ, ходившаго по саду, Ожаровскій обратился къ нему, прося отворить костелъ для бывшаго съ нимъ *генерала*. Старикъ, недовольный, что прервали его молитвы, которыя онъ повторялъ, прохаживаясь взадъ и впередъ, къ тому же не большой любитель военныхъ, отвѣтилъ довольно сухо: „на что вамъ, господа, заглядывать въ нашъ скромный костелъ; ничего тамъ нѣтъ любопытнаго для генераловъ; да притомъ, теперь и не время, — костелъ запертъ, а *ксендзъ министръ* отдыхаетъ и ключи у него.“ Отвѣтъ былъ ясенъ и коротокъ. Повторенныя просьбы Ожаровскаго ни къ чему не повели. Императоръ Александръ, не понимая всего разговора, а главное, заинтересованный, словомъ: »*министръ*,« которое употребилъ тринитарій, велѣлъ своему адъютанту, буквально перевести его отвѣтъ. Когда же Ожаровскій сказалъ, что монахъ не хочетъ отпереть костела, ибо *министръ*, то есть, настоятель монастыря, отды-

хаетъ, Александръ до того былъ обрадованъ наивнымъ отвѣтомъ старика, а еще болѣе, показавшимся, ему страннымъ, титуломъ настоятеля, что возвратившись въ городъ, разсказывалъ, многочисленнымъ гостямъ, собравшимся къ его столу, о встрѣтившемъ его приключеніи. Императоръ, смѣясь отъ души, прибавилъ, что для него не малый сюрпризъ узнать, — что не онъ одинъ въ государствѣ имѣетъ министровъ, что, независимо отъ него, — тринитари имѣютъ своихъ.

На другой день, случай этотъ разошелся по городу, позабавивъ всѣхъ сердечно. Мнѣ же разсказывалъ это одинъ, изъ бывшихъ въ то время на царскомъ обѣдѣ.

Между тѣмъ, во время нѣсколько-недѣльнаго пребыванія Александра въ Вильнѣ, появилось въ немъ лице, на которое устремились любопытные взоры жителей. Это былъ генералъ гр. *Нарбонъ*, бывшій до того времени посломъ въ Берлинѣ. Наполеонъ далъ ему миссію, подъ видомъ повторенія безуспѣшной попытки *Лористона* въ Петербургѣ на счетъ примиренія съ Россіею, — вывѣдать, не тронется ли русская армія, до половины іюня, съ занимаемыхъ ею позицій, и не откроетъ ли *первая* кампаніи. Наполеону хотѣлось, главное, выиграть время, чтобы привести въ порядокъ свои громадныя войска, утомленныя форсированными маршами и заготовить луга для кавалеріи. Мысль о мирѣ и согласіи уже не находила мѣста въ его головѣ! *Нарбонъ* явился въ Вильнѣ въ сопровожденіи одного только адъютанта, и хотя онъ пробылъ здѣсь не долго, его видѣли, тѣмъ не менѣе, часто на улицахъ: онъ навѣщалъ или министровъ Александра, или же просто прогуливался, присматриваясь къ городу.

Съ 1806 года, именно съ той поры, когда послѣ сраженій подъ *Прейсишъ-Эйлау* и *Фридландомъ*, впервые показались въ Вильнѣ французскіе плѣнники,—ни одинъ изъ жителей не видалъ ни одного военнаго француза, тѣмъ болѣе, но-

сящаго такой высокій титулъ, какъ *Нарбонъ*. Общее любопытство было необыкновенно затронуто. Нарбонъ выѣхалъ изъ Вильно, не сдѣлавъ ничего, да впрочемъ, какъ я уже сказалъ, онъ пріѣхалъ единственно выиграть, необходимое для Наполеона время. Однако ему удалось привести Наполеону, весьма важную для него, вѣсть, что императоръ Александръ I, ни въ какомъ случаѣ, не откроетъ первый военныхъ дѣйствій, и не перейдетъ за границы своего государства. Виленская публика, не посвященная, конечно, въ поводы появленія посла Наполеона, терялась въ разнообразнѣйшихъ догадкахъ. Но вскорѣ случай обнаружилъ всѣмъ, что война неизбѣжна. Въ домѣ Сулистровскаго на углу *Скопувки*, насупротивъ епископскаго дворца—тогдашней царской резиденціи, квартировалъ государственный канцлеръ гр. *Румянцевъ*, или же—государственный секретарь вице-адмиралъ *Шишковъ*, хорошо не помню. Нарбонъ бывалъ въ этомъ домѣ, по нѣсколько разъ въ день. Въ день выѣзда, когда, послѣ послѣдняго разговора, онъ выходилъ оттуда, одинъ изъ жителей, входя по дѣлу къ министру, случайно наткнулся на минуту прощанія и услышалъ, какъ Нарбонъ, возвысивъ голосъ, произнесъ: »*ainsi nous aurons la guerre*« (и такъ будетъ война). Слова эти, съ быстротою молніи, разнеслись по городу, произведя самыя разнообразныя впечатлѣнія на умахъ жителей.

Не смотря на это, всѣ видѣли императора Александра съ неизмѣнно спокойнымъ лицемъ. Въ движеніяхъ русскихъ войскъ, не произошло ничего такого, что бы могло дать почувствовать близость *войны*, долженствующей измѣнить порядокъ вещей въ Европѣ, чрезъ ниспроверженіе исполинскаго могущества героя Франціи. Пришли, впрочемъ, нѣкоторые гвардейскіе полки, а съ ними возвратился великій князь Константинъ; появилось, наконецъ, нѣсколько иностранныхъ высшихъ военныхъ чиновъ, какъ то: англійскій генералъ *Робертъ Вильсонъ*, и шведскій посолъ. Все это однако не измѣнило существующаго порядка. Напротивъ императоръ Александръ I, желая о-

казать милость генералу Бенигсену, рѣшилъ пріобрѣсти отъ него *Закретъ*, небольшое поіезуитское имѣніе, лежащее подъ самымъ городомъ. Въ Закретѣ то, пока еще онъ былъ его собственностію, задумалъ Бенигсенъ устроить для императора блистательный балъ, отъ своего имени и отъ лица адъютантовъ главной квартиры. Въ то же время Бенигсенъ желалъ отвлечь вниманіе собравшихся въ Вильнѣ военныхъ и помѣщиковъ отъ висѣвшей, надъ головами всѣхъ, бури. Съ этою цѣлію, за недостаткомъ обширныхъ залъ въ закретскомъ дворцѣ, бывшемъ нѣкогда іезуитскимъ монастыремъ, Бенигсенъ велѣлъ, здѣсь же, въ саду подлѣ дворца выстроить деревянную бальную залу для танцевъ и украсить обоями и цвѣтами. Для составленія плана и надзора за исполненіемъ этой работы былъ приглашенъ профессоръ архитектуры въ Виленскомъ университетѣ — *Шульцъ*.

Человѣкъ этотъ, можетъ быть, и хорошій теоретикъ, но несчастный въ практикѣ, принялся за эту постройку, набросавъ сгоряча смѣлый, но трудно-исполнимый планъ. Вслѣдствіе этого — зала, почти конченная, нѣсколько дней передъ баломъ, вдругъ рушилась, ибо, по поводу ошибочнаго іечисленія, колонны не могли выдержать давленія крыши. Шульцъ, приведенный въ отчаяніе этимъ печальнымъ для него событіемъ, едва не сдѣлавшимся ужаснымъ для всѣхъ участниковъ бала, — бросился въ Вилію, протекающую около самаго Закрета. По городу разнеслась молва, что онъ только притворился утонувшимъ, оставивъ на берегу свое платье, а въ дѣйствительности убѣжалъ за границу. Но все это сущая басня: Шульцъ при всѣхъ своихъ неудачахъ, былъ честнымъ человѣкомъ. Какъ человѣкъ, дорожащій своею извѣстностью а, можетъ быть, подъ вліяніемъ опасенія, среди такихъ щекотливыхъ обстоятельствъ, быть принятымъ за измѣнника, Шульцъ рѣшился самъ лишить себя жизни. Нѣсколько дней спустя, найдено въ рѣкѣ его тѣло.

Отнюдь не смущаясь этимъ происшествіемъ, Александръ велѣлъ утѣшить вдову Шульца, а Бенигсену объявилъ, что это нисколько не мѣшаетъ состояться балу. Вотъ почему Бенигсенъ велѣлъ на скоро убрать обломки развалинъ, оставивъ полъ, а мѣста, гдѣ были стѣны, прикрыть пышными померанцовыми деревьями, находившимися въ богатой закретской оранжереѣ. Мысль эта, сейчасъ же примѣненная къ дѣлу, сообщила балу, какой то новый эффектъ. Балъ этотъ открылся при отличнѣйшей погодѣ въ 9-ть часовъ вечера $^{12}/_{24}$ іюня. Масса публики заняла возвышенности, окружающія каменный заборъ закретскаго сада: всѣхъ интересовалъ балъ подъ открытымъ небомъ. Императоръ, окруженный блестящею свитою, пріѣхалъ въ Закретъ нѣсколько прежде девяти часовъ по обыкновенной дорогѣ, чрезъ Погулянку, мимо часовни Рѣпнина. Приглашенные на балъ ожидали его именно въ этой импровизированной залѣ, на открытомъ воздухѣ. Александръ, встрѣченный при входѣ въ дворецъ хозяевами и избраннѣйшими дамами, приблизился сейчасъ же къ собранію, и открылъ балъ, какъ обыкновенно, польскимъ съ генеральшею Бенигсенъ. Но едва Александръ прошелся нѣсколько разъ съ нѣкоторыми дамами по залѣ, какъ музыка, по данному знаку, перестала играть польскій, начавъ другіе танцы. Императоръ же, получивъ шопотомъ какія то донесенія отъ одного изъ генераловъ, вышелъ изъ среды танцующихъ во дворецъ. Спустя нѣсколько минутъ послышался стукъ экипажа, въ которомъ государь возвращался въ городъ.

Только на другой день узнало Вильно, что въ ночь съ $^{11}/_{23}$ на $^{12}/_{24}$ іюня, французы переправились въ Ковнѣ, черезъ Нѣманъ и вошли въ границы, подъ предводительствомъ Наполеона. Какой-то лакей канцлера Румянцева, возвращаясь отъ передовыхъ пикетовъ, кажется, первый привезъ это извѣстіе.

Александръ I, въ ту же ночь отправился къ войску. Ему послѣдовали министры, и весь, бывшій съ нимъ дворъ. И такъ

жребій былъ брошенъ и исполинская борьба двухъ сильнѣйшихъ властителей міра, завязалась въ эту рѣшительную минуту. Въ городѣ остались лишь военный министръ, который, въ качествѣ главнокомандующаго, долженъ былъ управлять движеніями отступающихъ войскъ, и гражданскій губернаторъ Лавинскій, который, какъ правитель города и губерніи, долженъ былъ до послѣдней минуты содѣйствовать къ удовлетворенію нуждъ арміи. Составлявшіе главный комитетъ продовольствія—губернскіе предводители дворянства: *Сулистровскій*, кн. *Любецкій*, *Рокицкій*, а также *Томашъ Вавржецкій* получили приказаніе слѣдовать за императоромъ. Уже на слѣдующій день движеніе разныхъ полковъ, реквизиціи множества лошадей, видъ, толпами оставляющихъ городъ, военныхъ и даже чиновниковъ, словомъ необыкновенное движеніе на улицахъ, — предсказывали жителямъ, что Вильно можетъ сдѣлаться каждую минуту театромъ чрезвычайныхъ событій. Каждый запирался ранѣе у себя дома, каждый запасался продовольствіемъ болѣе обыкновеннаго. Всѣ полагали, что кровавая битва подъ самымъ городомъ, положитъ предѣлъ томительному ожиданію.

Но вскорѣ разлетѣлась вѣсть по городу, что императоръ рѣшился встрѣтить французовъ подъ Свенцянами. Собственно, кромѣ нѣсколькихъ лицъ, приближенныхъ къ двору, никто и не вѣдалъ, о дѣйствительномъ рѣшеніи Александра I — лишь въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ *Дриссою* удержать наступленіе арміи Наполеона. Съ понедѣльника движеніе въ Вильнѣ возрастало все болѣе и болѣе. Наконецъ въ середу $^{15}/_{27}$ іюня главныя силы русской арміи начали отступать передъ приближающимися французами, и съ утра до вечера, а также всю слѣдующую ночь, городъ былъ наполненъ всевозможными войсками, и разнообразнѣйшими толпами, спѣшившими на Антоколь съ Погулянки.

Тѣмъ не менѣе порядокъ, на сколько того позволяла суматоха и тѣснота, не былъ нарушенъ. Только ночью это шествіе принимало болѣе торжественный характеръ, производя на

жителей сильнѣйшее впечатлѣніе. Никто изъ нихъ и не сомкнулъ глаза въ эту ночь, въ особенности тѣ, которые жили на трокской, доминиканской, свято-янской и замковой улицахъ. Не смотря на это, не было особеннаго шума на улицахъ, и даже, кажется, по приказанію начальства, войска отступали съ возможною тишиною. Тѣмъ не менѣе грозное бряцаніе оружіемъ, топотъ коней, и глухой звукъ отъ тяжелыхъ орудій, смѣшанные, съ слышавшимся порою, сдержаннымъ голосомъ командировъ, — не могли не дѣлать впечатлѣнія на спокойныхъ жителяхъ, которые, погасивъ огонь, — за запертыми окнами, прислушивались къ этому, новому для нихъ, движенію. Передъ самымъ утромъ походъ нѣсколько порѣдѣлъ, а въ 7 часовъ утра, наступила минута совершенной тишины. Но въ 8 часовъ началъ отступать къ Антоколю, по тѣмъ же улицамъ, послѣдній отрядъ русскаго арріергарда, подъ начальствомъ генерала кн. *Шаховскаго*.

Прежде всего шли пѣшіе стрѣлки. Офицеры постоянно повторяли „*скорѣй*“ изъ опасенія быть настигнутымъ непріятелемъ въ этихъ тѣсныхъ улицахъ. За ними слѣдовала конная артиллерія, составленная изъ нѣсколькихъ десятковъ легкихъ орудій. Отрядъ этотъ, замыкали гусары и лейбъ-козаки, изъ которыхъ каждый держалъ пистолетъ со взведеннымъ курокомъ, имѣя, при себѣ обнаженную саблю. Отрядъ этотъ, былъ именно первымъ, который имѣлъ стычку съ французами, на дорогѣ между Рыконтами и Вильно.

Спустя получаса, сдѣлалось глухо и пусто на улицахъ. Живой души не было видно: всѣ чувствовали что было не безопасно входить въ среду, гдѣ каждое мгновеніе могла завязаться борьба. Вскорѣ за городомъ, именно въ 9 часовъ утра представилось жителямъ великолѣпное, но страшное зрѣлище: въ предмѣстіи *Снипишкахъ*, козаки, прикрываемые двумя батареями полевой артиллеріи, зажгли обширные магазины съ хлѣбомъ, приготовленные для русскихъ войскъ. Затѣмъ

объялся пламенемъ *зеленый мостъ*, еще наканунѣ обвязанный соломою, и облитый смолою. Пожаръ охватилъ все предмѣстіе, такъ что густые клубы дыма, достигали пригорковъ въ Кальваріи.

Между тѣмъ городскіе обыватели, сейчасъ же по отступленіи русскихъ войскъ, заняли караулъ на гауптвахтѣ противъ ратуши.